

актуальная история

Заседание Архиерейского Собора РПЦ (8 сентября 1943, Москва).

Дмитрий Суржик, научный сотрудник Военного университета МО РФ

РЕЛИГИЯ ПРОТИВ ГИТЛЕРОВСКОГО **МОЛОХА**

НАЧАЛО ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ОСНОВНЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ
КОНФЕССИИ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ...

« **М**ы должны подхватить и использовать стремление к свободе нерусских народов СССР и придать им определенные государственные формы, то есть органически выкроить из огромной территории Советского Союза государственные образования и восстановить их против Москвы», - утверждал А. Розенберг, прибалтийский

немец, хорошо владевший русским языком, который в 1941 г. возглавил Министерство оккупированных восточных областей. Именно он и был главным творцом оккупационной и национальной политики на оккупированной территории СССР... Впрочем, кроме национального вопроса Великая Отечественная война стала также испытанием, борьбой с нацистскими искушениями для всех религиозных организаций на территории Советского Союза. И это испытание они прошли с честью.

В преддверии большой войны, начиная приблизительно с 1936 года, политика государственно-партийного руководства и официальная идеология все больше отходила от интернациональных лозунгов, отдавая предпочтение патриотическим ценностям, которые в случае внешней опасности способны объединить страну. Все чаще вспоминались героические страницы отечественной истории, возвращались исторические имена русских гениев и героев.

В 1937 году на самом высоком государственном и общественном уровне широко отмечался столетний юбилей со дня смерти А.С. Пушкина. В 1941 году

планировались всенародные лермонтовские торжества, посвященные также столетию со дня гибели поэта. Показательны следующие факты. В 1936 году была подвергнута острой критике и снята с репертуара Постановлением Комитета по делам искусств пьеса Демьяна Бедного «Богатыри», в которой известный пролетарский поэт глумился над Крещением Руси. Более того, на юбилей 950-летия этой знаковой даты нашей истории, широко отмечавшейся в среде русской эмиграции, откликнулся советский журнал «Историк-марксист», представивший на своих страницах статью С.В. Бахрушина о положительном значении христианства для Руси.

Однако новые тенденции в идеологии и в общественном сознании еще не коснулись религиозной политики. К началу Великой Отечественной войны Русская Православная Церковь имела 3732 храма и молитвенных здания. В ее штате состояли 28 архиереев и 5665 священников и диаконов. К 1941 г. в СССР было закрыто подавляющее большинство мечетей: в стране осталось 1312 мечетей и 8052 мусульманских священнослужителя. Церковные деятели не ожидали каких-либо положительных подвижек. Протоиерей С. Ляшевский передает слова митрополита Сергея тех лет: «Моя задача только тормозить разгром Церкви, спускаться на тормозах, чтобы она не разбилась».

Тем не менее, большинство населения твердо заявляло себя верующими. По данным переписи 1937 года выяснилось, что 56,7% населения в возрасте старше 16 лет (из них 64% - женщины) заявили о своей вере в Бога, причем абсолютное большинство составляли грамотные люди в возрасте от 16 до 49 лет: более 75% мужчин и 88% женщин. Из правящих архиереев на свободе оставалось лишь четверо: местоблюститель патриаршего престола митрополит Сергей (Страгородский), митрополит

Ленинградский Алексей (Симанский), архиепископ Петергофский Николай (Ярушевич), управляющий Новгородской и Псковской епархиями, и епископ Дмитровский Сергей (Воскресенский).

Еще около десяти архиереев, оставшихся на свободе, проживали на покое или служили настоятелями храмов.

Такова была ситуация на начало 1939 года. К тому времени волна репрессий пошла на спад. После отстранения наркома внутренних дел Н.И. Ежова и осуждения «ежовщины» последовал пересмотр дел, в том числе осужденного духовенства. В результате некоторые его представители обрели свободу. В их числе – епископ Иоанн (Соколов) (впоследствии митрополит и экзарх Украины), епископ Таганрогский Иосиф (Чернов) (в дальнейшем митрополит Алма-Атинский и Казахстанский) и другие.

Причинами широкомасштабного наступления на Церковь в 1937-1938 годах были установка большевиков на построение в СССР безрелигиозного общества, активность духовенства, вызванная обсуждением проектом сталинской Конституции, принятой 5 декабря 1936 года, а также результаты упомянутые результаты переписи. Они свидетельствовали о провале антирелигиозной политики и требовали нового осмысления властями.

Становилось понятным, что политика репрессий в отношении конфессий не достигает своей цели. Религиозная жизнь уходит в подполье и продолжает свое развитие, а социальная база поддержки правящего режима сокращается. К тому же после завершения периода «большого террора» во внешнем положении Русской Православной Церкви произошли существенные изменения, связанные с вхождением в состав СССР Западной Украины и Западной Белоруссии, Прибалтики, Бессарабии и Северной Буковины в 1939-1940 годах.

По подсчетам М.В. Шкаровского в результате вхождения новых территорий в состав СССР на канонической территории Русской Православной Церкви оказалось 64 монастыря с 5100 насельниками и 3350 приходов. Кроме того, на присоединенных в 1939 – 1940 годах территориях продолжали действовать духовные учебные заведения, православные братства, духовно-просветительские общества, типографии. Значительно возросло число епископов: восемь правящих архиереев в республиках Прибалтики и семь – в бывших восточных областях Польши.

Таким образом, политика властей в отношении Русской Православной Церкви накануне войны стала носить явно двойственный характер. С одной стороны, продолжалось медленное, но неуклонное удушение религиозной жизни в центральных областях СССР (закрытие храмов, аресты священников и активных мирян) и обозначились мероприятия по приведению в соответствие с советским законодательством о религиозных культах церковной жизни на вновь присоединенных территориях (закрытие братств и религиозных обществ, репрессии против духовенства и религиозных активистов, конфискации типографий и прекращение религиозных изданий).

С другой стороны, власти осознали, что религиозный фактор продолжает играть значительную роль в общественно-политической жизни. Не могли они не учитывать и настроений верующих людей в приграничных областях, а именно таковыми и являлись присоединенные территории.

Все это могло внушать руководству Московской Патриархии осторожный оптимизм, но, как свидетельствуют некоторые очевидцы, дело обстояло иначе. Митрополит Сергей продолжал жить в ожидании ареста. Осенью 1941 года он сказал епископу Пантелеймону (Рожновскому) – одному из иерархов с присоединенных территорий, перед тем, как отправиться вместе с ним осматривать московские храмы: «Владыко, помолитесь прежде, не я вас везу храмы осматривать, а нас везут...»

Большим опытом использования национально-религиозных конфликтов для раскола многонациональных государств обладали гитлеровские спецслужбы.

Гитлер приветствует католического кардинала.

Кардинал Михаэль Фаульхабер марширует с нацистами.

Молебен РОА. В первом ряду - генерал Власов.

Муфтий аль-Хуссейни приветствует солдат 13-й гитлеровской исламской дивизии Ханзар.

К примеру, в апреле 1941 года они воспользовались сербско-хорватскими, то есть православно-католическими, противоречиями для ликвидации Югославии и поддержания в тлеющем состоянии сербско-хорватского этно-конфессионального конфликта. Аналогичный подход руководство третьего рейха исповедовало и в отношении религиозными организациями на территории Советского Союза.

Немецкие спецслужбы также разрабатывали различные проекты религиозной политики на территории Советским Союзом. Важная роль отводилась Русской Православной Церкви за границей (РПЦЗ), иерархи которой в целом были настроены весьма враждебно по отношению к «богоборческой» советской власти. Однако на практике немецкие власти неохотно привлекали представителей РПЦЗ к работе на захваченной территории.

Одним из основных институтов, занимавшихся проведением религиозной политики нацизма, были соответствующие отделы гестапо. Различные аспекты церковной жизни находились под контролем и других управлений Главного управления имперской безопасности (РСХА). Главной целью их деятельности было максимально возможное раздробление религиозных структур и жесткий контроль над ними. Гитлер рассматривал религию в качестве одного из важнейших инструментов управления покоренными народами.

В апреле 1942 г. в кругу приближенных он изложил свое видение религиозной политики: «Нашим интересам соответствовало бы такое положение, при котором каждая деревня имела бы собственную секту, где развивались бы свои особые представления о Боге. Даже если в этом случае в отдельных деревнях возникнут шаманские культы, подобно негритянским или американо-индейским, то мы могли бы это только приветствовать, ибо это лишь увеличило бы количество факторов, дробящих русское пространство на мелкие единицы».

Имперский комиссар Украины в директиве руководителям СС и полиции писал: «Нами допускается любая религия и любое церковное направление, если оно лояльно к германской администрации... Разногласия церковных направлений между собой, а именно в религиозных вопросах, нас не интересуют. Мы желаем только, чтобы полемика по этим вопросам не распространялась среди мирских масс, потому что она способна нарушить гармонию, необходимую для общего строительства». Следуя данным указаниям, оккупационные власти всячески поддерживали раскол в церковных организациях.

Особенно тяжелая обстановка в этой связи сложилась в Украине. До начала войны она находилась в статусе Экзархата Московской Патриархии РПЦ. 18 августа 1941 года большинство православных епископов собрались на собор в Почаевской лавре и провозгласили создание Украинской православной церкви, которая сохранила связь с Московским Патриархатом. Главой ее был избран архиепископ Алексий (Громадский), возведенный затем в сан митрополита. В то же время викарный епископ Вольнской епархии Поликарп (Сикорский) и архиепископ Александр (Иноземцев) неканонически учредили вначале Церковную Раду, а затем и Украинскую автокефальную православную Церковь, ставшую инструментом оккупантов.

Она получила максимальную поддержку, о причинах которой ясно говорилось в проекте январского 1942 года приказа министра по делам оккупированных восточных территорий А. Розенберга комиссару Э. Коху: "Русскую православную церковь в рейхскомиссариате "Украина" ни в коем случае не поддерживать, так как она является носителем великорусской и панславянской идеи. Автокефальную же Украинскую Церковь, напротив, следует поддержать в качестве противовеса русской православной».

Поэтому оккупационные власти стремились демонстрировать религиозную свободу, подчеркивать факты незаконных репрессий советской власти против духовенства. Но эта «свобода» носила избирательный характер, и была только в отношении лояльных третьему рейху священнослужителей, которые молились за «избавление от большевиков».

Поддерживавшие Советский Союз священники по указанию автокефалистов подвергались террору и варварским пыткам. 7 мая 1943 г. ОУН убила Митрополита Киевского и всея Украины Алексия (Громадского). В Восточной Украине было повешено, расстреляно, сожжено около тридцати духовных лиц, а в Западной – от 300 до 400 священнослужителей. Предлогом для репрессий было якобы сотрудничество православных священников с НКВД или гестапо.

Однако именно автокефалы официально сотрудничали с оккупационными властями. 11 сентября 1941 года племянник Петлюры Степан Скрыпник, ставший "епископом" УАПЦ Мстиславом, направил верноподданническое обращение Э. Коху.

Непростой была ситуация в северо-западных советских областях и Прибалтике. На их территории проживало 510 000 православных, объединенных в 400 приходов (в Латвии 164, Эстонии 164 и Литве 72), имелось 6 монастырей.

К 1940 г. только Литовская церковь под руководством митрополита Елевферия (Богоявленского) находилась под юрисдикцией Московского Патриархата. Эстонская (в 1923 г.) и Латвийская (в 1936 г.) православные церкви заявили о своей автономии под юрисдикцией Константинопольского патриарха, что, однако, не было признано московскими церковными властями.

Лишь в августе 1940 г., после вхождения этих республик в состав СССР, под давлением значительной части верующих и духовенства Латвийский митрополит Августин (Петерсон) и Эстонский митрополит Александр (Паулюс) ходатайствовали перед МП РПЦ о воссоединении. После оккупации летом 1941 г. Таллинский митрополит Александр заявил об отделении от РПЦ эстонских приходов.

В октябре 1941 г. по настоянию немецкого генерального комиссара Белоруссии была создана Белорусская Церковь. Однако возглавивший ее в сане митрополита Минского и Белорусского Пантелеимон (Рожновский) сохранил каноническое общение с Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Сергием (Страгородским).

Не без влияния из Берлина в Белоруссии сохранили прежнюю остроту религиозные споры между поляками и литовцами в Прибалтике. 30 августа 1941 года митрополит Львовский Андрей Шептицкий выразил радость по поводу «окончания большевистского владычества» на Украине, однако его эмиссары встретили прохладный прием у Гитлера. Шептицкому удалось реорганизовать структуру униатской Церкви на Украине, создав, четыре экзархата.

Экзархом Великой Украины с местопребыванием в Киеве был назначен Иосиф Слипый которому удалось направить 2 священников, признанных немцами.

В Бессарабии и Транснистрии, занятых Румынией, несмотря на запрет Берлина, направленный ранее в Бухарест, Святой Престол образовал Транснистрийскую миссию во главе с монсеньером Глазером.

Оккупанты благожелательно отнеслись к инициативе бывшего экзарха Латвии и Эстонии митрополита Сергия (в миру – Дмитрия Николаевича Воскресенского), в августе 1941 г. организовавшего «Псковскую миссию» («Православную миссию в освобожденных областях России»).

Критикуя Московский Патриархат РПЦ за сотрудничество с советской властью, он сохранил каноническое общение с МП РПЦ. Миссия занималась активной благотворительной, просветительской, издательской деятельностью в занятых немцами юго-западных районах Ленинградской, части Калининской, Новгородской и Псковской областей. Священники помогали продовольствием и опрашивали культ в лагерях советских военнопленных и местных храмах, которые их усилиями превратились в детские дома для самых малых жертв войны.

В один из приходов Псковской духовной миссии были внедрены два агента НКВД, которые в 1942 г. передавали дезинформацию в Берлин (операция «Послушники»). Подчиненные Сергию (Воскресенскому), а следовательно,

и Московскому Патриархату, священники Псковской миссии уклонялись от навязываемых им из Берлина молитв о победе Германии. Напротив, их обращения к пастве зачастую содержали образы Александра Невского, Дмитрия Донского и других защитников Отечества. Руководство Псковской миссии единогласно отказалось принять предать анафеме Сергия (Старгородского) после избрания его Патриархом Московским и всея Руси. 28 апреля 1944 г. он был убит оккупационными властями.

Руководимая учеными-тюркологами (помимо спецслужб, «исламским вопросом в СССР» занималось ведомство фон Хейтинга в МИД) весьма умелой была политика оккупантов в отношении ислама. Здесь они шли по пути, проторенному кайзером Вильгельмом II. На одной из листовок, которые разбрасывались на юге СССР, был изображен Гитлер в чалме и сообщалось, что он принял ислам и имя Гейдар, а также объявил себя защитником мусульман всего мира.

Еще до начала Второй мировой войны нацисты заручились поддержкой муфтия Иерусалима Хаджи Мухаммед Амин аль-Хусейни, боровшегося против английской власти в Палестине и сионистского движения. Лидер пантюркистского движения Эрклил Нури-паша после войны с Советским Союзом предложил нацистскому руководству выделить из числа советских военнопленных мусульман, которые и свести их в 100 – 150 тысячную армию для действий против советских войск. К ноябрю он достиг принципиальной договоренности с ОКВ.

Уже в октябре 1941 г. стали появляться свидетельства о нелояльности крымских татар. Они дезертировали из Красной армии, служили проводниками вермахту. В Крыму и на Кавказе открывались мечети. В конце декабря 1941 г. в Симферополе был создан Мусульманский комитет, который претендовал на роль организатора всех сторон жизни крымских татар. Симферопольский мусульманский комитет делился на 6 отделов: по борьбе с бандитами (т.е. с советскими партизанами), по комплектованию добровольческих формирований, по оказанию помощи семьям добровольцев, культуры и религии, пропаганды и агитации, административно-хозяйственный и канцелярию. Однако его единственными деятелями были Д. Абдурешидов и два его заместителя, И. Керменчикла и О. Меметов.

Симферопольский комитет не обладал фактической властью и служил лишь ширмой для маскировки немецкого диктата. В конце осени 1941 г. в Германии под руководством министерства Розенберга были созданы «национальные комитеты», которые на местах опирались на религиозных фанатиков, предателей и уголовников. Они должны были стать центрами «пятыми колоннами» в советском тылу. Но как известно, немецкие планы массового восстания кавказских народов провалились.

По данным современных исследователей, на службе у оккупантов из народов, традиционно исповедующих ислам, находилось: представителей Средней Азии – около 70 тысяч, азербайджанцев – до 40 тысяч, представителей северокавказских народов – до 30 тысяч, волжских татар – 12,5 тысяч, крымских татар – 10 тысяч. Всего – чуть более 160 тысяч человек или 13,5% от общего числа советских граждан, служивших в вермахте, полиции, войсках СС и бывших «добровольными помощниками» (хиви).

Таковые составляли меньшинство и среди советских мусульман. С началом Великой Отечественной войны руководство исламских духовных управлений в СССР выступило в поддержку жертвы агрессии. Председатель ЦДУМ РСФСР уфимский муфтий Г.З. Расулев обратился с воззванием к мусульманам Советского Союза, призывая их «подняться на защиту... родной земли, молиться в мечетях о победе Красной Армии и благословить своих сыновей, сражающихся за правое дело». Затем последовали еще два воззвания, в том числе, к мусульманам всего мира, в которых звучал призыв «во имя Ислама встать на защиту мусульман и народов России, их мирной жизни и религии».

В сентябре эта инициатива была поддержана советскими властями с целью «нейтрализации распространяемой из Берлина и Рима антисоветской пропаганды среди мусуль-

манского мира» (подразумевался упомянутый ранее аль-Хусейни).

Большинство мусульман встали на защиту своей Родины. Летом 1941 г. в Закавказье было призвано в строевые части, военные училища, резерв и строительно-рабочие подразделения 85561 призывников. Мобилизация военнообязанных запаса, завершенная к середине июля, дала 212721 чел., в том числе 16939 командиров, 18728 младших командиров и 175876 рядовых.

Мобилизационный план 1941 г. был выполнен по Закавказью на 99%. В 1941 г. в Северной Осетии было призвано свыше 40 тыс. чел. По Чечено-Ингушетии в начале войны было призвано свыше 17 тыс. чел, из которых до 50% были представителями титульных народов (среди спецпереселенцев в 1949 г. числилось 4248 чеченца и 946 ингушей, ранее служивших в рядах Красной Армии).

По другим данным за годы войны в армию было призвано 18,5 тыс. чеченцев и ингушей, а в кадровых частях на момент ее начала уже состояло не менее 9 тыс. чел. (всего до 6% населения) По Кабардино-Балкарии было призвано 25,3 тыс. чел., в том числе балкарцы дали фронту более 10 тыс. чел. Из Карачаевской Автономной Области было призвано 15,6 тыс. коренных жителей (при общей численности народа около 80 тыс. чел.), что дает основание некоторым местным историкам утверждать, что карачаевцы занимали одно из первых мест в стране среди народов СССР по числу участвовавших в войне (до 10% населения).

9 июля 1941 г. Армянская апостольская церковь (ААЦ) выпустила воззвание к армянскому народу с целью «воспламенить сердца армянского народа патриотическими чувствами, поднять всех армян... на оборону отечества». Все зарубежные епархии ААЦ получили указание «совершить молебствия и возносить молитвы Всевышнему, благословить оружие Красной Армии и пожелать ей успеха». В августе 1941 г. выступил на Всеармянском антифашистском митинге выступил московский раввин Ш. Шлифер. Он привел пример «великого раввина Шнейр-Залмана, который во время войны с Наполеоном не жалел усилий, чтобы убедить евреев помочь русским любым возможным способом в борьбе против врага».

Узнав о нападении Германии, патриарший местоблюститель Сергей обратился к прихожанам после праздничной литургии в честь праздника Всех святых, в земли Русской воссиявших. 22 июня 1941 года в своем «Послании пастырям и пасомым Христовой православной Церкви» он раскрыл антихристианскую сущность фашизма и призвал верующих на защиту Отечества от «жалких потомков врагов православного христианства».

«В последние годы мы, жители России, утешали себя надеждой, что военный пожар, охвативший едва ли не весь мир, не коснется нашей страны, но фашизм, признающий законом только голую силу и привыкший глумиться над высокими требованиями чести и морали, оказался и на этот раз верным себе. Фашиствующие разбойники напали на нашу Родину, - взывал митрополит. - Попирая договоры и обещания, они внезапно обрушились на нас, и вот кровь мирных граждан уже орошает родную землю, - писал он. - Повторяются времена Батыя, немецких рыцарей, Карла Шведского, Наполеона. Жалкие потомки врагов православного христианства хотят попытаться еще раз поставить наш народ на колени перед неправдой, голым насилием принудить его пожертвовать благом и целостностью родины, кровными заветами любви к Отечеству».

Патриарший местоблюститель говорил о том, что «православная церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания несла и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь. Благословляет она небесным благословением и предстоящий всенародный подвиг. Положим же души своя вместе с нашей паствой». Он благословил прихожан на «предстоящий всенародный подвиг». Однако митрополит получил разрешение направить «Послание» в церкви страны только 6 июля 1941 года, через 2 дня после обращения И.В. Сталина.

Первые строки послания отражают и тон официальной пропаганды, и настроения советских людей, живущих в ожидании неизбежной войны, но успокаиваемых заявлениями о неизбежности советско-германского пакта о ненападении от 23 августа 1939 года. Показательно восхождение исторического имени Россия, казалось бы, уже преданного забвению и вытесненному из официальной лексики, в том числе и церковной. Еще в 1927 году тот же митрополит Сергей (Страгородский) писал в своем самом известном (и до сих пор – самом пререкаемом) довоенном послании, в так называемой «Декларации о лояльности»: «Мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой – наши радости и успехи, а неудачи – наши неудачи».

В сравнительно небольшом по объему послании дважды упоминается советская власть, дважды – Советский Союз и один раз – просто Союз. Понятно, что черновые варианты «декларации» готовились в соответствующих государственных инстанциях, а теперь митрополит писал сам и брал всю ответственность на себя.

Он явно готовил свою паству к серьезным испытаниям и предвидел, что война потребует всенародного подвига, и определяющую роль в этой борьбе будет играть моральный фактор: «Отечество защищается оружием и общим народным подвигом, общей готовностью послужить Отечеству в тяжкий час испытания всем, чем каждый может. Тут есть дело рабочим, крестьянам, ученым, женщинам и мужчинам, юношам и старикам. Всякий может и должен внести в общий подвиг свою долю труда, заботы и искусства».

Язык послания яркий, четкий, ясный. Исторические образы, которые упоминает митрополит Сергей, близки и понятны самому широкому кругу слушателей. «Повторяются времена Батыя, немецких рыцарей, Карла Шведского, Наполеона. Жалкие потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени перед неправдой, голым насилием принудить его пожертвовать благом и целостностью родины, кровными заветами любви к своему отечеству. Но не в первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божией помощью и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу».

Упоминаются события, хорошо известные людям старшего и среднего поколения, – знаковые события русской истории. Но тем, кто не получил достаточных сведений об отечественной истории в системе школьного образования, автор послания предлагает образы национальных героев, известных всем и каждому: Александра Невского и Дмитрия Донского. И даже – былинные образы святорусских богатырей, запечатленные на известной картине В.М. Васнецова.

Растиражированные массовым образом репродукции этой картины украшали тогда дома советских людей, страницы учебников, гостиницы, парикмахерские, столовые и чайные. Богатыри и герои – персонажи отечественных фильмов конца 1930 – начала 1940 годов, которые с увлечением смотрела молодежь в предвоенный период. Появление каждой новой кинокартины было знаменательным явлением. Любимые фильмы смотрели по многу раз подряд.

Именно тогда на экраны страны один за другим выходили кинофильмы: «Петр Первый» (1937), «Александр Невский» (1938), «Минин и Пожарский» (1939), «Суворов» (1940), «Богдан Хмельницкий» (1941). Митрополит Сергей (в миру Иван Николаевич Страгородский) не был таким поклонником кинематографа, как его преемник патриарх Алексий I (Симанский), но вполне мог быть в курсе новостей из области «важнейшего из искусств». Он читал газеты и журналы, в его скромной келье в Бауманском переулке бывали разные люди, в том числе – люди искусства, представители интеллигенции, от которых он вполне мог почерпнуть необходимую информацию.

В контексте сложившейся на тот момент исторической ситуации сам факт появления и распространения послания местоблюстителя патриаршего престола был явлением удивительным. Выступая с инициативой, Сергей

надеялся на отклик со стороны светских властей («Да послужит и наступившая военная угроза к оздоровлению атмосферы духовной», – заявил митрополит на молебне о победе русского воинства вечером 26 июня).

Обличать зверства «тевтонов» митрополита Алексия побуждал не только архипастырский и христианский долг. Тема бедствий гражданского населения и разрушения памятников культуры будет постоянно звучать в его посланиях, статьях и выступлениях военного времени. Учась на юридическом факультете Московского университета в 1896-1899 годах, он рассматривал правовые основы взаимоотношений иностранных войск и мирного населения в период военных действий, проблему сохранения культурных ценностей в своей диссертации «Комбатанты и некомбатанты во время войны».

Всего за годы войны митрополит Сергей обращался к православному народу с патриотическими посланиями 24 раза. Послания призывали к борьбе с фашистскими захватчиками, вдохновляли народ и армию на подвиг, напоминали о патриотизме и религиозности наших прославленных предков, разъясняли антихристианский, античеловеческий характер нацистской идеологии. В течение войны архиереи и священники Русской Церкви многократно выступали с подобными обращениями и проповедями, в них нашла убедительное выражение патриотическая позиция РПЦ.

Уже 26 июня митрополит Сергей отслужил в Богоявленском соборе отслужил первый молебен «о даровании победы русскому оружию». В последствии в храмах Московской патриархии стали читать молитву, написанную архиепископом Августином (Виноградовским) о победе в Отечественную войну 1812 г., тем самым проводя аналогию между двумя этими событиями. Также был специально составлен «Молебен в нашествии супостатов, певаемый в Русской Православной Церкви в Отечественную войну» с многолетием «победоносному воинству нашему».

В обращениях иерархов РПЦ рассматривался широкий круг военных вопросов. Как пишут современные исследователи, «в посланиях иерархов и проповедях священников Русская Церковь не только утешала верующих в скорби, но и поощряла их к самоотверженному труду в тылу, мужественному участию в боевых операциях, поддерживала веру в окончательную победу над врагом, способствуя тем самым формированию высоких патриотических чувств и убеждений среди тысяч соотечественников».

Кроме того, от имени Церкви подвергались осуждению дезертирство, сдача в плен, сотрудничество с оккупантами. Все это способствовало изживанию пораженческих настроений, получивших определенное распространение в первый период войны, и в конечном итоге создавало «нравственные условия победы», которые в значительной мере изменили ход военных событий».

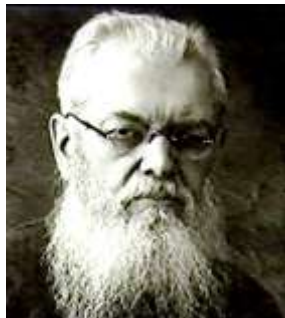
Не был обойден в проповедях и вопрос об арсенале войны. В послании московской пастве 14 октября 1941 г. патриарший местоблюститель митрополит Сергей призвал благословение Божие на всех тех, кто своими «трудами и жертвованиями содействует нашим доблестным защитникам».

В день, когда служился первый молебен о победе, начался сбор средств на оборону страны, на помощь семьям погибших бойцов Красной армии. Так, Николо-Богоявленский (Николо-Морской) собор Ленинграда выделил для этих целей 385 тысяч рублей. Прихожане храмов занимались сбором теплых вещей и подарков для советских бойцов и командиров. Предпринимались попытки организации госпиталей под патронажем Церкви по опыту Первой мировой войны.

Не только словом, но и делом православное духовенство приближало победу. Будущий Патриарх Пимен, тогда еще иеромонах, начал свой боевой путь заместителем командира роты и дослужился до звания майора. Архимандрит Алипий (Воронов), наместник Псково-Печерского монастыря в 1950–1960 гг., воевал четыре года, оборонял Москву, был ранен, получил государственные награды.

Митрополит Сергей
(Страгородский)

Епископ Лука

Муфтий Габдрахман
Расулев

Папа Пий XII

Будущий митрополит Калининский и Кашинский Алексей (Коноплев) на фронте был пулеметчиком, был награжден медалью «За боевые заслуги».

Находившийся в условиях несвободы епископ Лука (в миру Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий) – выдающийся ученый-хирург – в первые дни войны направил письма М.И. Калинин, И.В. Сталину и К.Е. Ворошилову и С.М. Буденному.

В одном из них говорилось: «Я, епископ Лука, профессор Войно-Ясенецкий, отбываю ссылку в поселке Большая Мурта Красноярского края. Являясь специалистом по гнойной хирургии, могу оказать помощь воинам в условиях фронта или тыла, там, где будет мне доверено. Прошу ссылку мою прервать и направить в госпиталь. По окончании войны готов вернуться в ссылку. Епископ Лука». 30 сентября 1941 года его перевели на поселение в Красноярск и назначили хирургом-консультантом эвакогоспиталя № 1515.

Впоследствии епископ Лука занимал должность главного хирурга Красноярского эвакуационного госпиталя, совмещая с осени 1942 года работу военного хирурга с архиерейским служением. Приезжавший в госпиталь инспектор профессор Приоров говорил, что ни в одном из госпиталей, которые он посетил, ему не приходилось видеть таких блестящих результатов лечения инфицированных ранений суставов, как у владыки Луки. Каждый день проводил в операционной по десять-одиннадцать часов, выполняя уникальные операции.

Тысячи бойцов и офицеров прошли через его руки, и большинству из них он сохранил жизнь. В 1946 году он был удостоен Сталинской премии первой степени (200 000 рублей) за книги «Очерки гнойной хирургии» и «Поздние резекции при огнестрельных ранениях суставов» (1946 г.). Большую часть премии он пожертвовал детским домам.

Глава старообрядцев Белокриницкой иерархии архиепископ Иринарх (Парфенов) в Рождественском послании 1942 г. призвал единомышленников, немало число которых воевало на фронтах, доблестно служить в Красной Армии и оказывать противодействие врагу на оккупированной территории в рядах партизан.

С патриотическими посланиями к верующим в первые дни войны обратились также Центральное мусульманское духовное управление СССР, Московская иудейская община и другие церковные организации. Они, как и Русская Православная Церковь, внесли значительный вклад в дело обороны страны и материальной помощи армии. Показательный факт: в годину войны случаи отказа от мобилизации по религиозным мотивам практически сошли на нет.

Патриотическая деятельность православного русского духовенства развернулась и в зарубежье.

Некоторые принимали активное участие в движении Сопротивления. За антифашистскую деятельность нацисты казнили ряд священнослужителей Московского Патриархата в Западной Европе.

Репрессиям со стороны германских властей подвергался профессор И.А. Стратонов, арестованный гестапо в Париже в 1941 году и погибший в концлагере Бухенвальд в 1942 году. В движении Сопротивления участвовал также выдающийся православный богослов В.Н. Лосский.

В нейтральных на тот момент Соединенных Штатах с первых дней Великой Отечественной войны масштабную патриотическую деятельность развернул митрополит Вениамин (Федченков) – экзарх Московской Патриархии в Северной и Южной Америке. Хотя его, патриотическая позиция была не единственной в среде русского православного духовенства в США.

Более сдержанную позицию заняла католическая церковь. Ее положение в Советском Союзе почти не отличалось от православия. Но Ватикан заранее знал о готовящемся нападении Германии на СССР, но Пий XII придерживался строгого нейтралитета по отношению к обеим воюющим сторонам. Папа Римский еще в 1940 г. выступил с пацифистской эклектикой «Summi pontificatus». На ее основе «Радио Ватикана» развернуло мощную «молитвенную кампанию» за то, чтобы Вторая мировая война закончилась в ближайшее время и без включения в нее других народов. 28 декабря 1939 г. Пий XII встретился с Виктором-Эммануилом III, причем обе стороны говорили о необходимости итальянского нейтралитета. 24 апреля 1940 г. Папа Римский обратился к Муссолини с официальным письмом, попросив не втягивать Италию в войну. Дуче развернул агрессивную пропагандистскую акцию, в которой Ватикан ставился на одну доску с уже поверженными и будущими врагами.

Еще хуже были отношения Ватикана с нацистской Германией. Нотой от 18 января 1942 г. Ватикан отказался признать территориальные изменения, произошедшие в результате военных действий. Гитлеровское руководство в ответ заявило: «Ватикан с его заявлениями, согласно которым он не может, якобы, пока продолжаются военные действия, признать какие-либо территориальные изменения, автоматически лишается официальных связей с территориями, присоединенными и занятыми после сентября 1939 г.».

Позднее, уже на Нюрнбергском трибунале И. Риббентроп заявил: «У нас был полный портфель протестов Ватикана. На многие мы даже не отвечали». На местах духовенство выражало разрозненные протесты против преследований и укрывало евреев, а также оказывало денежную помощь. Католическое духовенство на западно-белорусских землях активно поддерживало «Армию Краеву» и, опасаясь преследований со стороны советской власти, после освобождения Белоруссии Красной армией, эмигрировало в Польшу.

С началом Великой Отечественной войны Святой Престол попытался воспользоваться ситуацией и проникнуть в Россию. Однако оккупационные власти не давали католическим священникам желанной свободы действий. Не получив благословения на «крестовый поход против большевизма», Гитлер ограничил католиков постами военных капелланов.

Значительно бо́льшую свободу (при поддержке ОУН) получила Украинская грекокатолическая церковь. Ее глава митрополит Андрей (Шептицкий) в 1941 г. приветствовал вступление немцев в Украину, а затем благословил дивизию «Галичина». Однако незадолго до своей кончины Шептицкий отправил своих помощников архиепископов Иосифа Сиплого и Гавриила Федоровича Костельника к Патриарху Сергию (Страгородскому). Первый был младшим братом Шептицкого, а второй – лидером сильного движения за присоединение к Московскому

Патриархату. После смерти Шептицкого в 1945 г. в украинской униатской церкви возник раскол. В 1946 году Костельник собрал конгрегацию униатских священнослужителей, проголосовавших за воссоединение с православной церковью. Архиепископ Иосиф Слипый был арестован и сослан. Но в 1948 г. Костельник был убит во время богослужения в Спасо-Преображенском соборе Львова членом ОУН.

С началом Великой Отечественной войны претерпела существенные изменения религиозная политика советской власти. Практика репрессий по отношению к основным конфессиям сменилась поиском и расширением с ними контактов. Им способствовали как последовательная патриотическая позиция церковных деятелей, так и необходимость улучшения облика перед союзниками по антигитлеровской коалиции.

Уже с осени 1941 г. репрессии против представителей основных конфессий несколько сократились. Будущие союзники СССР также помогали улучшению его образа в глазах своих граждан. Так, 1 октября 1941 г. (пока в Москве была миссия Гарримана-Бивербрука) Франклин Рузвельт созвал пресс-конференцию, на которой процитировал 124-ю статью Конституции СССР, которая гарантировала свободу вероисповедания. Через два дня советская сторона подтвердила слова президента.

Высокими были и отзывы двух соруководителей американско-британской миссии в Москву. Аверелл Гарриман в интервью радиоконпании «Си-Би-Эс» 13 октября 1941 г. заявил следующее: «Мы обнаружили, что многие наши широко распространенные представления о русских далеки от истины... Бивербрук и я имели дело со Сталиным. Ни один человек не смог бы работать так быстро и эффективно, как он. И он был откровенен с нами... Несомненно, все, что он запрашивал от нас, будет поставлено... Мы не знаем, где проходит фронт в настоящую минуту. Мы не знаем, где он будет проходить завтра. Но я убежден, что, получая оборудование и военные материалы, Россия будет сражаться». Несколько позднее лорд Бивербрук утверждал: «Коммунизм при Сталине завоевал аплодисменты и восхищение всех западных наций. Коммунизм при Сталине дал нам примеры патриотизма, равные лучшим в анналах истории. Коммунизм при Сталине вырастил лучших генералов в мире. Гонения на христианство? Это не так. Не существует никаких религиозных преследований. Двери Церкви открыты. Расовые преследования меньшинств? Совершенно нет. Евреи живут, как все. Политические репрессии? Конечно. Но теперь ясно, что те, кто были расстреляны, предали бы Россию ее немецким врагам».

В отношении ряда других религиозных объединений политика государства в годы войны оставалась неизменно жесткой. Прежде всего это касалось «антигосударственных, антисоветских и изуверских сект», к числу которых были отнесены духоборцы, молокане, методисты, адвентисты, пятидесятники, свидетели Иеговы, хлысты, скопцы и др. Власть считала их не столько религиозными, сколько политическими организациями, контроль за их деятельностью возлагался не на Совет по делам религиозных культов, а на НКВД/НКГБ.

Большинство конфессий и верующих твердо заняли патриотическую позицию. Союз церкви и атеистического режима, немислимый в любых других условиях, становился законным и необходимым в войне, цена которой было само существование нашего Отечества. Руководители большинства религиозных объединений СССР осудили тех представителей духовенства, которые осознанно перешли на сторону врага, помогали насаждать «новый порядок» на оккупированной территории.

Вспоминая впоследствии о первых днях войны, митрополит Сергей (Страгородский) в своем докладе, сделанном на Архиерейском Соборе, избравшем его патриархом и проходившем в Москве 8 сентября 1943 года, говорил: «О том, какую позицию должна занять наша Церковь во время войны, нам не приходилось задумываться, потому что, прежде чем мы успели определить как-нибудь свое положение, оно уже определилось - фашисты напали на нашу страну, ее

опустошали, уводили в плен наших соотечественников, всячески их там мучили, грабили... Так что даже простое приличие не позволило бы нам занять какую-нибудь другую позицию, кроме той, которую мы заняли, то есть, безусловно отрицательную ко всему, что носит на себе печать фашизма, печать враждебности к нашей стране. (...) Наш народ охотно откликнулся на наш призыв. Призывали мы его к жертвам на нужды войны. Пожертвования шли непрерывным потоком и составили очень значительную сумму. Причем, как несколько раз отмечалось, — это были не жертвы каких-нибудь богатых людей, которые от многого нечего уделяли на нужды войны, а это были жертвы простых богомольцев, которые вносили обычную свою лепту, но с особым ее назначением. Из этих случайных пожертвований составились миллионы; наши богомольцы были исполнены желанием чем-нибудь придти на помощь воинам, отдающим свою жизнь за отечество».

Позиция, занятая религиозными организациями на территории в июне 1941 года, оставалась неизменной до конца войны и существенно препятствовала попыткам нацистских идеологов разыграть «церковную карту» в целях ослабления и раскола советского общества в условиях военного противостояния. О значимости их призывов к борьбе с захватчиками говорит тот факт, что начальник РСХА Р. Гейдрих приказал незамедлительно арестовать митрополита (а с 1943 г. — патриарха Московский и Всея Руси) Сергия в случае занятия Москвы.

Поводы для недовольства иереями РПЦ были и у министра пропаганды Геббельса. 24 ноября митрополит Сергей обратился из Ульяновска вместе с митрополитом Киевским и Галицким Николаем, архиепископами Куйбышевским Андреем, Можайским Сергием и Ульяновским Иоанном (Соколовым) с новым посланием к пастве, в котором развенчал лицемерие нацистской пропаганды: «Гитлеровский молох продолжает вещать миру, будто бы он поднял меч "на защиту религии" и "спасение" якобы поруганной веры. Но всему миру ведомо, что это исчадие ада старается лживой личиной благочестия только прикрывать свои злодеяния. Во всех поработанных им странах он творит гнусные надругательства над свободой совести, издевается над святынями, бомбами разрушает храмы Божий, бросает в тюрьмы и казнит христианских пастырей, гноит в тюрьмах верующих, восставших против его безумной гордыни, против его замыслов утвердить свою сатанинскую власть над всей землей. Православные, бежавшие из фашистского плена, поведали нам о глумлении фашистов над храмами...»

Сильная патриотическая позиция Русской православной церкви и отсутствие поддержки нацизма со стороны других официальных представителей крупных конфессий сыграли большую роль в мобилизации советского населения на отпор врагу. Вне зависимости от того, как складывались их личные взаимоотношения с властью предержащими, церковные иерархи на советской земле делали максимально возможное, чтобы улучшить образ СССР у союзников и помочь раненым красноармейцам, а также восполнить социальные функции государства в советском тылу... ▲

АВТОР ▲ Дмитрий Викторович Суржик – научный сотрудник научно-исследовательского отдела (научного руководителя фундаментального многоотомного труда) «Великая Отечественная война 1941 – 1945 годов» (Военный университет МО РФ, Москва).
E-mail: dimsu@inbox.ru